

СЕЛЬСКОЕ МЕСТНОЕ СООБЩЕСТВО В ФОКУСЕ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ: НАУЧНЫЙ ДИСКУРС И ЕВРОПЕЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ¹

И. С. Семененко

Семененко Ирина Станиславовна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, ул. Профсоюзная, 23, Москва, 117997, Россия. E-mail: semenenko@imemo.ru. ORCID 0000-0003-2529-9283

Аннотация. В статье представлены результаты обобщения основных теоретико-методологических подходов, утвердившихся сегодня в поле так называемых *сельских исследований* (*rural studies*). Это междисциплинарное направление на стыке аграрной экономики и истории, социально-экономической географии, социальной и культурной антропологии, культурологии, социолингвистики, социальной психологии, социологии и политологии изучает тенденции развития негородских территорий, а также субъектов и практики управления этой сферой. Рассматривая в таком контексте содержательное наполнение понятия «сельский» (*rural*) и вопросы, стоящие сегодня в повестке дня «сельских» исследований в политической науке в мире и в России, автор стремится выявить ресурсы, которые могут стать потенциальными двигателями роста благосостояния сельских территорий, обустройства негородских пространств и консолидации местных сообществ. На основе анализа дискуссии о «сельском» направлении в государственной политике развития в странах ЕС выдвигается гипотеза о прямом влиянии дискурсов о развитии на политико-управленческие приоритеты. Делается вывод о том, что ключевое условие формирования *идентичности развития* как основы укрепления сельских сообществ и мотивированной вовлеченности жителей села в деятельность по улучшению качества жизни и природной среды — нахождение оптимального для конкретного контекста баланса в использовании разнообразных ресурсов, как институциональных механизмов представительства интересов, так и ресурсов *политики идентичности*. Такой подход ориентирован на продвижение по пути *ответственного развития*; субъектами такого развития являются органы центральной власти и местного самоуправления, бизнес, гражданские инициативы, экспертные и исследовательские структуры и сами сельские жители, их инициативы по самоорганизации и продвижению своих интересов. Поэтому важными приоритетами для работающих в этом поле ученых является формирование соответствующего публичного дискурса, налаживание механизмов обратной связи между экспертами и теми, кто является объектом исследований, стимулирование вовлеченности и целенаправленное продвижение запросов сельских жителей в политическую повестку дня.

Ключевые слова: «сельские» исследования, крестьяноведение, сельское местное сообщество, социальные размежевания, локальная идентичность, сельская идентичность, городской образ жизни, пространство, территория, природный / культурный ландшафт, дискурсы о сельском развитии, ресурсы развития, политика развития, вовлеченность (соучастие), ответственное развитие.

Три года назад автору статьи довелось побывать в двух граничащих друг с другом регионах Италии — в Трентино-Альто Адидже и Эмилии-Романье. Первый (и особенно его северная провинция) Альто Адидже (Южный Тироль) утопает в яблонево-садах, здесь на небольшой территории собирают около 15% урожая растущих в Европе яблок (2% объема мирового производства). Сельская местность — это идиллические пейзажи альпийских лугов и красивых ухоженных шале, перемежающихся с аккуратными, похожими на виноградники посадками яблонь

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 19-011-31356 «Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности в условиях гетерогенного социально-экономического и социокультурного пространства региона».

и снующими между рядами деревьев уборочными миникомбайнами. Вдоль трассы скоростных дорог с безупречным покрытием — небольшие механизированные хранилища и предприятия по переработке яблок. Север второго региона — провинции Парма, граничащей с Трентино, — это очень небогатые деревни и выжженные солнцем плантации помидоров, которые пересекают покрытые потрескавшимся асфальтом дороги местного значения со знакомыми всем нам ухабами и ямами. По обочинам за полуразрушенными оградами встречаются и давно заброшенные постройки. Кажется, что в местах, где родился Джузеппе Верди и куда композитор на склоне лет вернулся, чтобы жить и заниматься не музыкой, а созданием в своей усадьбе передового сельскохозяйственного производства и рабочих мест для малоземельных крестьян, остановилось время...

Откуда такие разрывы в уровне развития географически близких сельских территорий, в благосостоянии их населения? На какие ресурсы опирается консолидация и динамичное развитие сельских сообществ? Различается ли мировосприятие живущих в сельской местности разных по уровню благосостояния регионов людей, связывают ли они с жизнью на селе свои перспективы и перспективы своих детей? И как изучать, оценивать и продвигать потенциальные ресурсы развития сельских территорий в условиях продолжающейся урбанизации и с учетом тех возможностей и рисков, которые связаны с внедрением новейших технологий, с изменениями климата и природной среды?

Для России эти вопросы тем более актуальны: доля сельского населения в половине административно-территориальных субъектов РФ составляет около трети и более (всего — 37,3 млн. чел.)², и качество жизни на селе во многом определяет демографическую ситуацию в стране. Процессы распада старых форм организации аграрного производства и становления новых идут очень болезненно, социальная сфера на селе показывает устойчивые тенденции деградации. «Деревня» в контексте наследия советского периода прочно ассоциируется в массовом сознании с «отсталостью» и отсутствием жизненных перспектив. Обобщение имеющегося успешного опыта сельских поселений и территорий выявление нематериальных ресурсов их развития как важного потенциального источника преодоления глубинных диспропорций в динамике российских территорий и регионов — это поле компетенции социальных наук.

«Сельское», «крестьянское», «аграрное» ... «негородское»? О понятиях и трудностях перевода

Само понятие «сельское» (местности, территории, ландшафта, пространства или сообщества) остается не полностью проясненным, как и содержательные характеристики сельской идентичности, если только не выстраивать анализ этих реалий сугубо в логике противопоставления городу и городской идентичности. Характерно, что в Толковом словаре Даля понятие «сельский» трактуется как «к селу, селению, к деревне относящийся», для прояснения этой трактовки приводятся противоположные понятия «городской, посадский». Российским исследователям нельзя не учитывать и трудности адекватного перевода используемых в социальных науках терминов на русский язык. Так, производное от rural существительное

² Данные Федеральной службы государственной статистики на апрель 2019 г. Доступ: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

rurality, которое имеет широкое хождение в англоязычной литературе и обозначает разные аспекты позиционирования в сельском пространстве, можно перевести только в описательном ключе.

Сельское пространство подвижно, как подвижны и наши представления о нем³. То же касается границ предметной области крестьяноведения (peasant studies), имеющего четко выраженный социальный подтекст. Неслучайно авторитетнейший социолог и историк Теодор Шанин, стоявший в 1960-е гг. у истоков этого направления исследований в западной науке (см. Peasants and Peasant Societies 1971; Shanin 1990), называл крестьянина «великим незнакомцем» (Великий незнакомец, 1992)⁴. Фокус в этих исследованиях сместился от изучения способов хозяйствования к социокультурным и экологическим аспектам сельской жизни, важным для осмысления состояния и перспектив социального самочувствия всех граждан страны.

Понимание «сельского» и его ситуативных синонимов «крестьянского», «деревенского», «фермерского», «аграрного» — предмет особого внимания ученых. Потребность в его концептуализации в междисциплинарном поле социальных наук связана с тем, что у «сельских» исследований нет четко очерченных контуров. Ведь речь идет не только об экономическом развитии связанных с сельскохозяйственной деятельностью территорий (в этом случае чаще используется понятие «аграрного»), но и о таких поселениях, жители которых не включены в аграрное производство, но обитают вне города, в «деревне» и не идентифицируют себя с городским образом жизни. Между тем вкладываемые в понятие «сельского» смыслы во многом предопределяют результаты исследований и эффекты от реализации конкретных политических решений (Hawley et al., 2016).

Меняется не только облик территорий, но и представления о феномене территориальности в его связи с пространством и с действующими в этом пространстве субъектами: в этом контексте «сельское» обозначает рукотворное. Тем более «наука не может игнорировать процессы и явления, меняющие территориальные структуры, даже когда эти изменения малозаметны со стороны и касаются не

³ Впрочем, это общий для современных междисциплинарных исследований методологический вызов. Как отмечают, например, авторитетные российские географы, «ключевое понятие в современных исследованиях границ – bordering – трудно однозначно и кратко перевести на русский язык. Оно означает не только формирование и обустройство границ, но и постоянный процесс изменения их режима, функций, общественного значения...» (Российское пограничье, 2018: 19). Но «если границы не есть нечто раз и навсегда данное» (Там же), то зафиксировать такую реальность и отразить ее подвижность одним понятием представляется затруднительным. Столь же многозначен термин «идентичность» [Идентичность 2017]. Язык современных социальных наук не успевает за стремительными изменениями социальной реальности постольку, поскольку стремится отобразить состояние и одновременно процессы общественных трансформаций (в идеале – прогнозировать их перспективы). Этим объясняется, на наш взгляд, повышенное внимание в сегодняшних социальных исследованиях к анализу дискурсов: они отражают и фиксируют текущее состояние представлений о предмете.

⁴ Теодор Шанин определяет крестьян как «мелких сельскохозяйственных производителей, которые, используя простой инвентарь и труд членов своей семьи, работают – прямо или косвенно – на удовлетворение собственных потребительских нужд и выполнение обязательств по отношению к обладателям политической и экономической власти» (Великий незнакомец 1992: 11). При этом и Т. Шанин, и другие работающие в области крестьяноведения исследователи исходят из того, что крестьянство – это не только социально-экономическая, но и социокультурная категория. «Крестьянский вопрос» существует даже в тех обществах, где само крестьянство как социальная группа уже ушло или на глазах уходит в прошлое: элементы крестьянского сознания, утвердившиеся в многовековом процессе хозяйствования на земле, остаются в менталитете значительной части населения и отражаются в картине мира и в образе жизни людей. Они составляют неотъемлемую, хотя зачастую не отрелексированную часть их идентичности. Это тем более характерно для России, где сельский пейзаж олицетворяет бескрайние просторы страны, а крестьянин – часть ее исторического образа.

столько объектов, сколько отношений и связей между ними» (Тревиш, 2016). Сами сообщества являются в этом смысле социальными конструктами, категорией социального взаимодействия, организующей общие интересы и идентичности (в логике Пьера Бурдьё).

Широкое понимание «сообщества» как объединенной общими интересами группы людей (например, профессионального сообщества) ставит вопрос о политической субъектности сообществ; в политических исследованиях они рассматриваются как социальный конструкт и продукт политической борьбы (см. об этом Сообщества 2009). Команда исследователей, принадлежащих к трем разным традициям понимания феномена сообществ, призывает к учету национальных традиций использования понятия и трудностей перевода применительно к историко-культурным исследованиям (Berger et al., 2019); это наблюдение важно для любой сферы социальных наук, где «общество» и «сообщества» остаются широко употребляемыми, но при этом нечетко концептуализированными аналитическими категориями. В современных социальных исследованиях *феномен сообщества (community) описывает группу взаимодействующих людей, имеющих общие интересы, осознающих их и проявляющих (хотя бы потенциально) способность к активному участию в отстаивании таких интересов*. Сельское сообщество отличается в этом контексте общей принадлежностью к месту с узнаваемыми для его членов идентификационными ориентирами (при разных форматах организации хозяйственной деятельности и разных формах расселения.)

Особенно заманчиво посмотреть на то, как с расширением географии и понятийного ряда расширяется поле исследований, посвященных сельской тематике, и как такое расширение может помочь в преодолении сложившихся ментальных стереотипов об «отсталой деревне». В частности, как оно может способствовать формированию экологического сознания и экологической идентичности. Очевидно, что экологическая идентичность не ограничивается ориентацией на природоохранные приоритеты и утверждается сегодня как важная часть идентичности гражданской. В более широком контексте *изменения парадигмы общественного развития* сохранение целостности и подлинности природного и культурного, рукотворного ландшафтов при формировании современной социальной среды и в густонаселенных городских, и в негородских пространствах становится важным ориентиром *ответственного развития* (подробнее см.: Семененко, 2019).

Большинство авторов, изучающих содержательное наполнение понятия «сельское», сходятся в том, что это — результат социального конструирования, «его олицетворяет захватывающий мир социальных, культурных и моральных ценностей, которые привычно ассоциируются в нашем сознании с пониманием сельского, с сельскими пространствами и сельской жизнью (rurality)» (Handbook, 2006). Это и способ социальной репрезентации, и система вполне определенных узнаваемых пространственных образов (см.: Там же: 45), продукт социального воображения. Так, конкретные эмпирические исследования наименее благополучных сельских территорий Нидерландов указывают на то, что пространственное позиционирование сказывается на характере стереотипов восприятия сельских поселений. В прилегающих к территории неразвития регионах утверждается негативный образ Другого и акцентируются различия в представлениях и в идентичности, по мере удаления этот образ становится размытым, а расхождения — менее значимыми: пространство ломает устойчивые стереотипы идентификации (Rijks, Strijker, 2013).

Сам пространственный подход в изучении связанных с сельской жизнью реалий, который утвердился сегодня в «сельских» исследованиях, отражает стремление избежать привязки понятия «сельское» к конкретной форме поселения (село, деревня, хутор, пригород и т.п.). Скорее его предлагается рассматривать как когнитивную рамку, способную вместить многообразие наших представлений о разных формах взаимодействия человека и природы и разных форматах их отражения в политическом и научном дискурсах (см.: Halfacree, 1993; Bell, 2007).

У дискурсов развития может быть прямо противоположная тональность даже в описании одних и тех же феноменов: так, сельские сообщества рассматриваются как «вымирающая натура» или, напротив, как имеющая перспективы для роста и развития. Опосредованно эти тенденции находят отражение в образах массовой культуры — в героях популярной литературы и фольклора (см., напр.: Horton, 1997), телесериалов и кино. Особое место здесь занимают разного рода непрофессиональные, любительские культурные практики, поддерживающие традиции сельской жизни и неповторимый облик места. Это может быть производство немассовой сувенирной продукции, например, открыток ручной работы на память о посещении местных достопримечательностей: создавая и продвигая в публичное пространство неповторимые образы и стимулируя культурную работу на местах, они способствуют наполнению дискурсов о сельском развитии позитивным содержанием (Mayes, 2010). Таким путем образы сельского материализуются и находят свое место в общественном дискурсе о развитии.

Связь между дискурсами о сельском измерении развития и реальным опытом тех, кто живет в сельской местности, выявляют исследования о присутствии сельской тематики в символической политике и в повседневной жизни. Представление в публичном пространстве сельской идентичности (*performing the rural*) принимает самые разнообразные формы — от фестивалей народной культуры и развития сельского туризма до сельскохозяйственных выставок, рассчитанных на привлечение широкого круга посетителей (Edensor, 2006; Holloway, 2004). Изучению и популяризации праздничной культуры и широкого перформативного измерения сельской идентичности придается особое значение в деле формирования позитивного образа настоящей и будущей сельской действительности.

В России в поле «сельских» исследований и традиционного для российской науки направления крестьяноведения активно работают историки, аграрные экономисты, географы, лингвисты, искусствоведы, социологи и антропологи⁵ (см., напр.: Громыко 1991; Рефлексивное крестьяноведение, 2002; Современное крестьяноведение, 2015; Тощенко, 2017; 2018). Исследовательская традиция крестьяноведения и изучения аграрной политики опирается на труды А.В. Чаянова, на социологические изыскания П.А. Сорокина, на дискуссии историков о последствиях крестьянской реформы 1861 г. и столыпинской аграрной реформы, социологов — вокруг крестьянской модели хозяйствования и ее социальных проекций, культурологов и антропологов — о жизненном мире жителей села.

Вопрос об операциональности используемых понятий также стоит в повестке дня: в российском историческом континууме рассматривается, например, содержательное наполнение понятия «сельский мир» (Виноградский, 2019) или таких

⁵ Так, журнал «Социологические исследования» ведет рубрику «Жизненный мир села». С 2016 г. выходят специализированный журнал «Крестьяноведение».

утвердившихся в зарубежном экспертном дискурсе подходов, как «соучаствующее развитие» (или «соучастие в развитии») (participatory development) (Соучаствующее развитие, 2018; Аверкиева, 2018). В общем русле современных «сельских» исследований заметное место занимает осмысление повседневности и способов ее представления в публичном пространстве (Виноградский, 2017; см. также Rural Voices 2018). В центре внимания традиционно была и остается аграрная политика государства, в первую очередь налоговая и кредитная политика, диспропорции в социально-экономическом развитии городских и сельских территорий (см., напр. Аграрная политика 2015). В частности, как показывают социологические исследования последних лет, причины большего консерватизма поколения российских сельских миллениалов и меньшей глубины и скорости изменений коренятся в «ограниченных материальных возможностях... (40% сельской молодежи относятся к бедным, и здесь активнее идут процессы консервации бедности)... и нахождении в менее благоприятной среде с менее развитой социальной инфраструктурой» (Радаев, 2019). Острые социальные проблемы села требуют серьезных коррективов в аграрной политике (Тощенко, 2017), но и учета разнообразия форм хозяйствования и организации сельской жизни на огромной территории России. В том числе — вклада и статуса важнейшей для России формы организации аграрного производства и социализации на селе — личных подсобных хозяйств, их роли в обеспечении продовольственной безопасности (см., напр., Садыков 2016).

В последние годы фокус исследований в российском крестьяноведении смещается в сторону изучения «аграрно-экологических практик»: задача видится в том, чтобы «устранить пробелы между громкими аграрно-теоретическими постулатами и тихими повседневными реалиями сельской жизни посредством анализа тесной взаимосвязи ее биологического и социально-культурного аспектов» (Троцук, 2018). Уместно вспомнить в этом контексте и о бурных обсуждениях произведений отечественной «деревенской» прозы 1960–1970-х гг., ярких театральных постановок и экранизаций произведений писателей-«деревенщиков» двух последних советских десятилетий: невозможно переоценить их влияние на восприятие сельской действительности.

Для политической науки сельская тематика является на сегодняшний день маргинальной. Даже анализ аграрной политики в основном остается вне поля политических исследований. Заметной лакуной в политологическом дискурсе оказалась тематика сельской идентичности, притом что ее изучение важно «не только с теоретической», но и с «политико-управленческой точки зрения»: без этого «невозможно осуществлять грамотное стратегическое планирование развития сельских территорий», использовать его внутренние ресурсы (Морозова, 2018). Отражение сельской идентичности в художественной, праздничной и народной культуре — это отдельный богатейший пласт, который ждет включения в общий контекст сельских исследований. Так, такой культурный феномен, как сельские промыслы, производство предметов народного искусства и традиционного быта составляет сегодня уникальное национальное богатство России, но популяризация промысловых производств редко рассматривается как значимый ресурс политики идентичности на уровне регионов и территорий.

И в зарубежном, и в отечественном научном дискурсе открытым остается вопрос о том, что такое «хорошее» село, притом что безоговорочная идеализация сельской жизни чревата замалчиванием проблем и консервацией бедности и неравных возможностей для сельских жителей (Schucksmith, 2018). Тогда как «хорошему» (а также

«умному», креативному и т.п.) городу, а в более широком контексте — «хорошему обществу» посвящены фундаментальные исследования, учитывающие ценностное и культурное измерения их динамики (см. Galbraith 1996; Федотова 2005). Такая постановка вопроса должна стимулировать обсуждение перспектив развития и формировать политико-управленческие приоритеты, и сельская повестка дня особенно нуждается в позитивной критической рефлексии, способной учитывать и объективные социально-экономические проблемы, и сложившиеся стереотипы восприятия. В этом контексте особенно важно изучать и обсуждать в публичной дискуссии, какие ценности следует продвигать, чтобы работать на лучшее будущее для сельских жителей и территорий (Schucksmith, 2018).

Очевидно, что включение в политическую повестку дня особых интересов сельских жителей является важной научной и политической задачей, но в политической науке в России пока необходимо продвинуться на два шага вперед: актуализировать сами «сельские» исследования и сформировать системное видение проблем негородского развития, их политического, управленческого и ценностного измерений. Не удовлетворенной остается потребность в эмпирических исследованиях, которые учитывали бы и общие проблемы развития села, и региональные (местные) особенности сельской России, и потребность в эффективной обратной связи между городом и селом, в формировании общих пространств развития.

«Сельское» против «городского», сельское как «негородское»

Сдача селом своих позиций в «противостоянии» городу давно стала общим местом в дискуссии о тенденциях фрагментации и перспективах социальной консолидации в современных постиндустриальных обществах. Феномен «сегментированных», «разделенных» (Lijphart, 1977) и «глубоко разделенных» (Guelke, 2012) обществ рассматривается как реальность, угрожающая стабильности модели национального государства и эффективному демократическому управлению. Получивший широкое признание в социальных науках подход Стейна Роккана к оценке политических и социокультурных размежеваний преимущественное внимание уделяет отношениям «центра» и «периферии» и причинам политизации «периферии» в противостоянии «центру». С. Роккан доказывает, что эти причины не сводятся к «простой полярности центра и окраины», но коренятся в «несоответствии между [их] культурными, экономическими и политическими ролями» (Роккан, Урвин, 2003).

Сельское (негородское) пространство традиционно рассматривается и в научном, и в политическом дискурсах, и в массовом сознании как такая периферия и в масштабе страны, и в глобальном контексте. Глубокие разделения между городом и селом особенно явно просматриваются в незападном мире. Неслучайно в литературе по сельской проблематике количественно доминируют исследования, посвященные глобальному Югу⁶. Но и на глобальном Севере демографические

⁶ Это отдельная тема, находящаяся за пределами внимания автора данной статьи. Отметим, что многообразие западного опыта широко представлено в литературе, в основном — на примерах конкретных полевых исследований. Большое внимание в контексте «сельских» исследований (rural studies) уделяется анализу эффективных политико-управленческих практик, изучению опыта успешного развития сельских территорий и оценке перспектив преодоления глубинных разрывов в уровне жизни города и села в беднейших странах и в западных странах, показывающих сегодня высокие темпы экономического роста. Заметным направлением является также анализ протестной активности на уровне сельских сообществ, в том числе мобилизации коренного населения в защиту природной среды и традиционных форм хозяйствования.

и экологические проблемы сельских поселений, вопросы социального неравенства и разрывов в уровне жизни города и села, регулирования землепользования и внедрения эффективных политико-управленческих практик на уровне сельских муниципальных образований стоят в политической повестке дня. При этом разрывы в качестве жизни далеко не всегда оказываются здесь в пользу города: так, в восьми странах ЕС (в том числе в Великобритании, Австрии, Германии и Франции) городские территории отстают от сельских по большинству показателей, особенно — по уровню социальной вовлеченности жителей, удовлетворенности жизнью и материальной обеспеченности (Quality of Life, 2014). Постановка вопроса о «сельско-городском континууме», впервые обозначенная в работах Питирима Сорокина еще в конце 1920-х гг. (Sorokin, Zimmerman, 1929; см. об этом Nikulin, Trotsuk 2018), позволяет выйти за рамки традиционного противопоставления села городу. В контексте изучения пространственной мобильности населения — рассматривать такой континуум «как синоним расселения, понимаемого как сплошное поле, которое можно исследовать в разном масштабе, при разной пропорции города и села» (Трейвиш, 2016).

Город как Другой по отношению к селу традиционно рассматривался и в научной литературе, и в массовой культуре как ключевой маркер сельской идентичности. Однако такое противопоставление «города» «селу» — это наследие эпохи урбанизации, которая еще несколько десятилетий назад трактовалась в социальных науках как линейный и однонаправленный процесс вытеснения сельских реалий городскими. Сегодня многие работающие в этом поле исследователи сельских реалий критикуют такое противопоставление за бессодержательность в современном контексте информационного общества и формирования новых сетевых пространств, в которых стираются «старые» границы и размежевания и появляются новые (Woods, 2011; Dymitrow, 2018). Только с помощью эмпирических исследований можно выяснить, кто же сегодня реально воспринимается селянами как Другой.

Развитие транспортной инфраструктуры настойчиво влечет к жизни на природе не занятых в аграрном производстве; тенденцией последних десятилетий в развитых странах стало бегство «в деревню» работающих дистанционно представителей творческих профессий. Заметный вклад в поддержание благоприятного социального климата вносят занятые в социальной сфере — это врачи и средний медперсонал, учителя, библиотекари, работники почты, местных кафе (при том, что в городе их доля в структуре занятости в целом существенно выше, но на селе они играют незаменимую роль в поддержании пространства социальной коммуникации).

Очевидно, что то, «как отношения между городским и сельским (измерениями социальности. — И.С.) сказываются на идентичности и культуре сельских жителей, имеет принципиально важное значение для понимания динамики социальных изменений на уровне территорий, включая влияние миграции и ее перспективы, реализацию политических решений, политическое участие и националистические движения, технологические инновации и их последствия для окружающей среды» (Rural Voices, 2018). Линии размежеваний (кливажей) между тем, что принадлежит городскому пространству и городскому образу жизни (“the urban”), и тем, что прочно связано с сельским (“the rural”), пролегают как в идейно-политическом, так и в культурном и ментальном измерениях. В публичном дискурсе «село» давно и прочно отодвинуто на позиции «национального Другого» (Nilsson, Lundgren, 2015),

готового паразитировать на комплексе «жертвы» постиндустриального развития и требовать «заслуженной компенсации» за недораспределенные ресурсы.

Но и само «село», позиционируя себя как Другой по отношению к городу, отстаивает свою особость в рамках «борьбы за идентичность». В этом негласном конфликте идентичностей есть измерение, долгое время находившееся на периферии политических исследований. Это вопрос о движущих силах, акторах и внутренних ресурсах развития сельских территорий, которые «по умолчанию» рассматриваются как пассивные участники обмена производимой в аграрном секторе продукции на социальные дивиденды.

В этом контексте внимание к формам социальной активности на селе и перспективам развития сельских территорий связано с ростом озабоченности деградацией природной и культурной среды и кардинальными изменениями в сфере потребительских предпочтений населения развитых стран. Приоритетами становятся производство экологически чистой продукции и противостояние хищническому отношению к природе, сохранение природного ландшафта, ведение агробизнеса на социально ответственных началах, предотвращение депопуляции и упадка сельских территорий. Растет не только зависимость «деревни» от «города», но и зависимость «города» от «деревни».

Новая повестка дня «сельских» исследований

Междисциплинарный подход отразился в тематике «сельских» исследований последних двух десятилетий. В авторитетном англоязычном журнале «Journal of Rural Studies» (выходит с 1994 г.) социология и политические исследования (в первую очередь политико-управленческие аспекты взаимодействия сельских сообществ и власти) представлены сегодня наряду с традиционными для этой области знания направлениями аграрной экономики и географии. Состояние исследований по сельской тематике в сфере социальных наук зафиксировали капитальные издания англоязычных авторов, описавших «культурологический поворот» в изучении реалий жизни и перспектив развития сельских территорий (Handbook of Rural Studies, 2006; Routledge International Handbook of Rural Studies, 2016). В центре внимания оказались новые формы самоорганизации и протестная активность сельских жителей, вопросы природоохранной деятельности и сохранения культурного и природного наследия. Сегодня основные исследовательские усилия сосредотачиваются на оценке перспектив развития сельских сообществ и структурирования сельских пространств (rural spaces) на основе использования внутренних ресурсов.

Важное место в этом контексте занимает анализ путей конструирования соответствующего дискурса и его отражение в политико-управленческих практиках. Этот новый ракурс стимулировал изменения в самой политической повестке дня, в частности, в приоритетах организации местного самоуправления в странах Северной Европы (Svendsen, 2004). Именно здесь сегодня активно развиваются формы самоорганизации сельских сообществ и внедряются инновационные управленческие подходы. Вовлечение местных сообществ в формирование повестки дня развития, их деятельная роль (agency) в реализации выбранных приоритетов определяет долговременный успех инновационных стратегий развития на локальном уровне. Такие стратегии опираются на понимание общности интересов, на общие ориентиры идентичности, на готовность людей к взаимодействию между собой и с «другими».

Сочетание внутренней связанности и открытости к взаимодействию с внешними субъектами — двух разнонаправленных трендов в динамике социального капитала, которые выделил американский социолог Роберт Патнэм в исследованиях американского социума (*bonding and bridging social capital*) (см.: Putnam 2000), свидетельствует о формировании *инклюзивной идентичности*. Такие качества особенно важны для сельских жителей, которые отстаивают свое особое лицо и свой образ жизни в обществе, где унифицированные стандарты потребления стирают культурные отличия. С другой стороны, социальный капитал работает на развитие тогда, когда он опирается на многообразие идентичностей, на разные формы сетевых взаимодействий, на переплетение разных пространственных измерений и исторических традиций, характеризующих сельские районы современной Европы (Lee et al. 2005). Открытость и деятельная вовлеченность людей формируют основания для общественного взаимодействия, которое опирается на сильную идентичность, на понимание особенностей места и возможностей их использования для развития. Позитивное восприятие жителями своих перспектив, готовность к активному выбору жизненных траекторий вопреки распространенным стереотипам во многом определяет инновационный потенциал развития сельских территорий; об этом свидетельствуют и эмпирические социологические исследования (Lee et al., 2005; Kietäväinen, 2013).

Тем более важным становится концептуализация применительно к сельскому развитию и изучение конкретного опыта социальных инноваций⁷, используя методологию акторного анализа, а также оценку внутренних и внешних факторов продвижения социальных инноваций в контексте развития сельских территорий (Neumeier, 2012). Анализ этих неэкономических реалий может во многом объяснить, почему территории с примерно равными исходными возможностями оказываются (если вспомнить приведенные в начале статьи описания) на таких разных рубежах развития (Там же). Хотя очевидно, что оценивать нужно комплекс факторов, в том числе и характер государственной политики развития, а в европейском контексте — и приоритеты общеевропейской политики. Интересно, что в политике ЕС произошло явное смещение фокуса с развития отрасли на развитие территорий, соответственно изменились и исследовательские приоритеты (Lee et al., 2005).

Местные сельские сообщества оказались в фокусе внимания политики развития не только ввиду их экономического потенциала для туризма или производства экологически чистых продуктов, но и как хранители культурного и природного ландшафта, поддерживающие *узнаваемые общезначимые маркеры национальной идентичности*. Сельские жители могут претендовать и претендуют на роль хранителей «подлинного» национального наследия. Традиционно большое внимание культурному наследию, связанному с сельским образом жизни, уделяется в Великобритании и Ирландии, где сама идея локального сообщества как носителя

⁷ Вокруг определения этого понятия идут активные дискуссии. Обобщая основные подходы, социальные инновации рассматриваются как «изменения в отношениях, поведении или представлениях групп людей, объединенных близкими интересами, которые, в соотнесении с имеющимся у ее членов опытом, ведут к новым, улучшенным путям совместных действий внутри группы и в ее деятельности вовне» (Neumeier, 2012); это драйвер экономических и технологических инноваций, который выстраивается на основе коллективных действий. Применительно к сельским реалиям он проявляется в консолидации местных сообществ вокруг приоритетов развития территории.

общих интересов исторически укоренена в массовом сознании. При этом, как доказывают британские исследователи, в сельских сообществах с сильной локальной идентичностью низовые инициативы по поддержанию и продвижению природного и культурного наследия способствуют росту потенциала развития самих сообществ. В том числе — в предоставлении качественных социальных услуг своему населению: такая деятельность поддерживает межличностные связи и повышает их жизнестойкость (Beel et al., 2015). Позитивная, ориентированная на развитие политика идентичности приносит, таким образом, прямые социальные и экономические дивиденды.

При растущем внимании исследователей к социокультурным факторам нельзя списывать со счетов и традиционные аналитические подходы и не принимать во внимание влияние сохраняющихся на селе социально-классовых различий и разрывов в уровне благосостояния и доступе к образовательным ресурсам между селом и городом, предопределяющих, в частности, мобильность сельской молодежи (Rye, 2011; см. также Радаев, 2019).

В дискуссиях о перспективах развития села заметное место занимает вопрос о субъектах изменений (в рамках хорошо знакомого политологам акторного подхода). Все более активную роль играют группы интересов, которые не связаны непосредственно с сельскохозяйственным производством. В том числе — гражданские объединения, продвигающие в публичное пространство идеи активного гражданства и повышения роли местных сельских сообществ, опоры на возобновляемые ресурсы развития сельских территорий. То есть интересы, выходящие за рамки сугубо «сельских», работающие на развитие и общественное благо (в логике модели коллективного действия М. Ольсона (Olson, 1965). Так, датский исследователь отмечает самостоятельную роль Национальной конфедерации сельских сообществ (Landssammenslutningen af Landsbysamfund, National Confederation of Village Communities) в формировании дискурса о развитии сельских территорий и прямое влияние повестки дня, продвигаемой этой организацией через тематический журнал «Landsbyen» («Деревня») и другие каналы, на приоритеты государственной политики (Svendsen, 2004).

О проблемах и перспективах гражданской активности и самоорганизации жителей сельских поселений размышляют и российские исследователи. Помимо географии деятельности, в качестве критерия отнесения тех или иных гражданских инициатив к категории сельских в российском контексте рассматривается характер их целевой аудитории, когда «само сельское население принимает активное участие в деятельности организации», и эта деятельность направлена на решение местных проблем (Копотева, 2016). Однако сколько-нибудь заметную политическую роль играют только организации федерального уровня, такие, как АККОР — Ассоциация крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России. Эта организация претендует на роль «посредника между обществом и государством», однако ее деятельность не связана с гражданской активностью на селе: российские фермеры о ней просто не знают (Там же). В то же время заметное позитивное влияние на развитие сельских территорий оказывает фактор сильного лидерства на уровне региона — губернатора, нацеленного на проведение активной аграрной политики с опорой на местные и федеральные ресурсы (как показывает, например, опыт Белгородской области (см. Nikulin et al., 2018).

Ракурсы политической институционализации: субъекты и приоритеты

Политическое влияние такого рода организаций, как АККОР, можно оценить по результатам законодотворческой деятельности и, применительно к анализу дискурсов о сельском развитии, по присутствию таких структур в публичном пространстве. В российском контексте это влияние и присутствие ощущается слабо, о чем свидетельствует уже упомянутая неинформированность самой целевой аудитории о деятельности организации, выступающей от их имени. Как показывают эмпирические исследования российских авторов, связи между такими организациями и теми, кто участвует в предоставлении социальных услуг населению, в реальной низовой работе, слабые (Копотева, 2016). Тем более важны изучение опыта самоорганизации сельских жителей на локальном уровне, оценка потенциала влияния таких форм самоорганизации на политическую и социальную повестку дня на уровне территории и региона.

Интересные точечные инициативы по консолидации сельских местных сообществ носят целевой характер и могут зарождаться и подвигаться группами активистов или даже одним авторитетным лидером. Важным двигателем является институционализированная внешняя поддержка со стороны благотворительных фондов и грантовых организаций, но в долгосрочной перспективе она работает тогда, когда есть встречные инициативы снизу. Такие «встречи» происходят, например, в рамках взаимодействия с бизнесом, реализующим стратегии социально ответственной деятельности. В селе Сеп (Удмуртия) группой инициативных жителей и музейных работников открыт Народный музей исчезнувших деревень. Инициатива получила финансирование Фонда Владимира Потанина в рамках конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире», поддержку сельской администрации, затем — региональной власти. Ее реализация дала толчок развитию социальной инфраструктуры села и «изменила отношение к своей жизни самих жителей деревни». На базе местного Дома культуры в рамках программы того же Фонда «Эффективная филантропия» сегодня создается многофункциональный культурный Центр местного сообщества «SEP COMMUNITY». Этот опыт активно распространяется в социальных сетях⁸. Оценить жизнеспособность проектов можно будет по прошествии времени, когда они выйдут «в самостоятельное плавание».

Местное сообщество опирается на структуры, которые могут быть стороной во взаимодействии с органами власти и местного самоуправления и вступать в диалог вокруг приоритетов развития территории. Британские ученые говорят о формировании новой модели сетевого развития (networked development) сельских территорий на основе взаимодействия внутренних и внешних акторов, с активным вовлечением НКО, работающих на селе представителей творческих профессий, бизнеса, представляющего разные формы собственности, научных и экспертных структур (Lowe et al.: 2019). Такой подход тем более актуален в условиях развития сетевых взаимодействий между самими жителями: в борьбе за выживание сельских общин, которую они ведут в Сети, утверждается ценность общих ориентиров идентичности (Lundgren, Johansson, 2017). Наличие таких общих ориентиров становится залогом мотивации к перспективному развитию территории.

В более широком контексте речь идет о новых подходах к развитию сельских поселений, территорий и пространств, в котором упор делается на объекты социальной

⁸ См. страницу проекта «SEP COMMUNITY»: <https://www.facebook.com/udmsepcomm/>

инфраструктуры на местах, на реформу аграрной политики и децентрализацию системы управления (см. OECD2006). В политическом процессе европейских стран привычную ориентацию на управленческо-распределительные практики центра в отношении сельской периферии (rural politics) постепенно вытесняет активная политика государственных структур и местных органов власти по вовлечению заинтересованных участников (politics of the rural) (Woods 2003; 2008). В ней активно участвуют глобальные институты (такие, как Всемирный банк), продвигающие свою повестку дня. Возможности «соучастия в развитии» (participatory development) обрастают институциональными механизмами.

Практики соучастия в политике развития получили широкое распространение в странах Северной Европы. Здесь аграрные партии и сегодня активно вовлечены в политический процесс. В Финляндии партия Финляндский центр (историческое название — Крестьянский союз), представляющая интересы фермеров и мелких предпринимателей, входит в состав правительственной коалиции на правах второй партии страны. Аналогичные Партии центра (бывшие Фермерские союзы) действуют в Швеции (8,6% голосов на парламентских выборах 2018 г.) и Норвегии (10,3% голосов, выборы 2017 г.). В Дании партия Венстре (Venstre — Левые, Датская либеральная партия), организованная в 1870 г. на основе Общества друзей крестьян в противостоянии крупным землевладельцам, — самая большая по численности и вторая по электоральной поддержке политическая сила страны (23,4% голосов на выборах 2019 г., возглавляет более четверти муниципалитетов). Повестка дня аграрной политики меняется на глазах, аграрные партии сменили названия, а «замороженные» партийные системы с четким размежеванием партий по идейным ориентациям и социальным интересам (Party Systems, 1967) остались в политической истории XX века. Однако формирование дискурса о сельском развитии и соответствующих политических приоритетов в странах Северной Европы во многом определяет традиция политической институционализации аграрных интересов.

В динамично развивающихся АПК регионах, таких, как упомянутая в начале статьи автономная провинция Италии Альто Адидже (Южный Тироль), успешное функционирование инновационной системы полного цикла в выращивании, хранении и переработке яблок опирается на «стабильный политический ландшафт с сильной политикой в поддержку сельскохозяйственного производителя, сопряженной с приоритетами государственной политики и общей сельскохозяйственной политики ЕС» (Apple-producing Family Farms, 2014). Благоприятный климат для стимулирования инновационного развития создает политическая поддержка со стороны коалиции политических сил во главе с региональной Народной партией Южного Тироля на уровне провинции и местных органов власти. Вторая опора — институционализированное взаимодействие в рамках Образовательной и инновационной сети за устойчивое сельское хозяйство (Learning and Innovation Network for Sustainable Agriculture). В него вовлечены производители и их ассоциации, экспертные и консультативные структуры, образовательные центры и другие стейкхолдеры. Аграрная политика опирается на высокий уровень бюджетной автономии от Центра, на технологические и социальные инновации и на сильную этнотерриториальную идентичность (в итальянском Южном Тироле немецкоговорящее население составляет большинство), которой нынешние власти региона стараются придать инклюзивный, открытый характер. У тех, кто занят в аграрном производстве, высокий социальный статус, а сельские пейзажи прочно ассоциируются с высоким качеством жизни.

В большинстве европейских стран аграрные партии давно сдали свои позиции, в основном в пользу «зеленых», и политическая повестка оказывается размытой по программам разных сил и движений. За поддержку со стороны сельского населения активно ведут борьбу популистские политические силы. Так, на Юге Италии неслучайно выросла электоральная поддержка Лиги (официальное название партии — Лига Севера): ее лидер Маттео Сальвини поднимает на щит конструирование сильной национальной идентичности и выступает за продвижение по пути федерализации страны, за фискальный федерализм, а сторонников такой линии на Юге немало (Albertazzi et al. 2018). В составе Лиги — мощное крыло, представляющее интересы сельхозпроизводителей.

Сельские реалии становятся узнаваемыми маркерами локальных и национальных идентичностей. В свою очередь, политическое использование идентичности стало эффективным путем аккумуляции протестных настроений в европейских странах, в том числе — недовольства разрывами в развитии сельских территорий и экологической ситуацией.

Острая потребность в новых, возобновляемых ресурсах развития и запрос на эффективные управленческие практики со стороны рядовых граждан и выступающих от их имени гражданских активистов и движений определили стабильный рост интереса политиков и экспертов к развитию сельских территорий. Относительная закрытость сельских сообществ поставила вопрос об адаптации к реалиям культурного разнообразия современных европейских обществ: появились исследования о расовых и этнических разделениях на селе и о необходимости интеграции сельских пространств в общий дискурс о культурном многообразии современных обществ (см., напр.: Garland, Chakraborti, 2006; Askins, 2009).

В то же время все более заметное влияние на «сельскую» повестку дня оказывают массовые протестные движения в защиту прав сельского населения. Выдвижение прав на традиционное землепользование от имени коренных народов стимулировало политико-правовое регулирование в этой сфере. Протесты против жестких норм регламентации сельскохозяйственного производства привели к созданию в Европе, США и Австралии радикальных организаций, объединяющих рядовых фермеров. Как считает авторитетный британский исследователь, происходящие здесь процессы «создают пространство для мобилизации новых сельских социальных движений» (Woods, 2008). С ростом озабоченности природоохранными проблемами и изменениями климата это пространство будет только расширяться.

Обзор основных вопросов в повестке дня «сельских» исследований указывает на растущее значение дискурсов в формировании приоритетов развития сельских территорий. Образы «уходящей натуры» и «сельской идиллии» сосуществуют бок о бок с дискурсами о развитии и об ответственном отношении к природному наследию. Мотивированная вовлеченность сельских жителей и консолидация на этой основе местных сообществ опирается на идентичность развития. В ее формировании принципиальное значение имеет ориентация на эффективное использование не только природных и социальных, но и возобновляемых культурных и символических ресурсов, т.е. грамотная и сбалансированная политика идентичности. Такой подход ориентирован на продвижение по пути ответственного развития; субъектами такого развития являются как органы власти и местного самоуправления, бизнес, гражданские инициативы, экспертные и исследовательские структуры, так и сами жители села и их инициативы, способные продвигать социальные ин-

новации и консолидировать местные сообщества. Без их активной вовлеченности политика развития сельских территорий оказывается ареной доминирования групповых интересов. Важным фактором успеха является также формирование институциональных опор для продвижения сельской повестки дня в ее сопряжении с вопросами городского развития.

Поэтому приоритетом для работающих в поле сельских исследований ученых является формирование соответствующего публичного дискурса, налаживание механизмов обратной связи между экспертами и теми, кто является объектом таких исследований, и целенаправленное продвижение их интересов в политическую повестку дня, интеграция этих задач в долгосрочные стратегии пространственного развития регионов и территорий. От этого зависит качество жизни каждого из нас и будущее наших детей.

Библиографический список

- Аверкиева, К. В. (2018). Семинар-конференция «Соучаствующее развитие городов и сельских территорий». *Крестьяноведение*. Т. 3, 3, 196–204.
- Сиптиц, С. О. (2015). *Аграрная политика современной России: научно-методологические аспекты и стратегия реализации*. М.: ВИАПИ имени А. А. Никонова: «Энциклопедия российских деревень».
- Шанин, Т. (1992). *Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия*. М.: Прогресс — Академия.
- Виноградский, В. Г. (2017). «Голоса снизу»: дискурсы сельской повседневности. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Виноградский, В. Г. (2019). Сельские миры: опыт социологической реконструкции. *Социологические исследования*, 5, 3–13.
- Громыко, М. М. (1991). *Мир русской деревни*. М.: Молодая гвардия.
- Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* (2017). Семененко, И. С. (ред.) М.: Весь Мир. М.: Весь Мир.
- Копотева, И. В. (2016). Гражданское общество и гражданская активность сельской России. *Крестьяноведение*. Т. 1, 1, 142–166.
- Морозова, Е. В. (2018). Сельская идентичность: политический ракурс. В О. В. Гаман-Голутвина, Л. В. Сморгун, Л. Н. Тимофеева (ред.) *Политика развития, государство и мировой порядок. Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов. Москва, 6–8 декабря 2018 г.* М.: Аспект Пресс.
- Радаев, В. В. (2019). Городские и сельские миллениалы: неоднородность нового поколения. *Вопросы экономики*, 7, 5–28.
- Шанин, Т., Никулин, А., Данилов, В. (ред.) (2002). *Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России*. М.: МВШСЭН; РОССПЭН.
- Роккан, С., Урвин, Д. (2003). Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализму. *Логос*, 6(40), 117–132.
- Колосов, В. А. (2018). *Российское пограничье: вызовы соседства*. М.: ИП Матушкина И. И.
- Садыков, Р. М. (2016). Личное подсобное хозяйство в обеспечении продовольственной безопасности региона. *Региональная экономика: теория и практика*, 1, 134–143.
- Семененко, И. С. (2019). Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению. *Полис. Политические исследования*, 3, 7–26.
- Бабашкин, В. В. (ред.) (2015). *Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке*. М.: Издательство РОССПЭН.

- Панов, П. В., Сулимова, К. А., Фадеева, Л. А. (ред.) (2009). *Сообщества как политический феномен*. М.: РОССПЭН.
- Соучаствующее развитие городских и сельских территорий*. (2018). Материалы семинара в Институте географии РАН 14 ноября 2018 г. Режим доступа <http://igras.ru/news/1827>
- Тощенко, Ж. Т. (2017). Что представляет собой современное российское село? *Социологические исследования*, 12, 89–98.
- Тощенко, Ж. Т. (2018). Особенности жизненного мира сельских жителей России. *Социологические исследования*, 2, 71–81.
- Трейвиш, А. (2016). Сельско-городской континуум: судьба представления и его связей с пространственной мобильностью населения. *Демографическое обозрение*, 3(1), 52–70.
- Троцук, И. В. (2018). Биологическое, социальное и моральное в объяснении логики истории, или Стоит ли искать крестьянина в современном мире. *Крестьяноведение*. 3(2), 155–178.
- Федотова, В. Г. (2005). *Хорошее общество*. М.: Прогресс-Традиция.
- Albertazzi, D., Giovannini, A. & Seddone, A. (2018). 'No Regionalism Please, we are Leghisti!' The Transformation of the Italian Lega Nord under the Leadership of Matteo Salvini. *Regional and Federal Studies*, 28(5), 645–671.
- Apple-producing Family Farms in South Tyrol: An Agricultural Innovation Case Study. (2014). In J. de Meyer (Ed.) *Occasional Papers on Innovation in Family Farming*. FAO. Retrieved from <http://www.fao.org/3/a-i3789e.pdf>
- Askins, K. (2009). Crossing divides: Ethnicity and rurality. *Journal of Rural Studies*, 25(4) 365–375.
- Beel, D. E., Wallace, C., Webster, G., Nguyen, H., Tait, E., Macleod, M., Mellish, Ch. (2017). Cultural Resilience: The Production of Rural Community Heritage, Digital Archives and the Role of Volunteers. *Journal of Rural Studies*, 54, 459–468. Retrieved from <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0743016715000479>
- Bell, M. (2007). The Two-Ness of Rural Life and the Ends of Rural Scholarship. *Journal of Rural Studies*, 23(4), 402–415.
- Berger, S., Dicks, B., Fontaine, M. (2019). "Community": A Useful Concept in Heritage Studies? *International Journal of Heritage Studies*. Retrieved from https://www.academia.edu/39714038/Community_a_useful_concept_in_heritage_studies?email_work_card=view-paper
- Cruikshank, J., Lysgård, H. K., Magnussen, M.-L. (2009). The Logic of the Construction of Rural Politics: Political Discourses on Rurality in Norway. *Geografiska Annaler. Series B. Human Geography*. 91(1), 73–89.
- Dymitrow, M. (2018). Rural / Urban: Laying Bare the Controversy. *Geographia Polonica*, 91(4), 375–397.
- Edensor, T. (2006). Performing Rurality. In Cloke P., Marsden T. and Mooney P. (Eds.) *Handbook of Rural Studies* (pp. 484–495). London: Sage.
- Galbraith, J. K. (1996). *The Good Society: The Humane Agenda*. Boston, New York: Houghton Mifflin Company.
- Garland, J., Chakraborti, N. (2006). 'Race', Space and Place. Examining Identity and Cultures of Exclusion in Rural England. *Ethnicities*, 6(2), 159–177.
- Guelke, A. (2012). *Politics in Deeply Divided Societies*. Cambridge, Malden MA: Polity Press.
- Halfacree, K. H. (1993). Locality and Social Representation: Space, Discourse and Alternative Definitions of the Rural. *Journal of Rural Studies*, 9(1), 23–37.
- Cloke, P., Marsden, T. & Mooney, P. (Eds.) (2006). *Handbook of Rural Studies*. London: Sage Pub.
- Hawley, L.R., Koziol, N.A., Bovaird, J., McCormick, C.M, Welch, G.W., Arthur, A.M., Bash, K. (2016). Defining and Describing Rural: Implications for Rural Special Education Research and Policy. *Rural Special Education Quarterly*, 35(3), 3–11.
- Holloway, L. (2004). Showing and Telling Farming: Agricultural Shows and Re-Imagining British Agriculture. *Journal of Rural Studies*, 20(3), 319–330.

- Horton, J. (2008). Producing Postman Pat: The Popular Cultural Construction of Idyllic Rurality. *Journal of Rural Studies*, 24(4), 389–398.
- Kietäväinen, A. (2014). Narrated Agency and Identity of Settlement Farmers in the Changing Circumstances of Modern Society. *Sociologia Ruralis*, 54(1), 57–70.
- Lee, J., Arnason, A., Nightingale, A., and Schucksmith, M. (2005). Networking: Social Capital and Identities in European Rural Development. *Sociologia Ruralis*, 45(4), 269–283.
- Lijphart, A. (1977). *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration*. New Haven and London: Yale University Press.
- Lowe, Ph., Philipson, J., Proctor, A., Gkartzios, M. (2019). Expertise in Rural Development: A Conceptual and Empirical Analysis. *World Development*, 116, 28–37. Retrieved from <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0305750X18304339>
- Lundgren, A. S., Johansson, A. (2017). Digital Rurality: Producing the Countryside in Online Struggles for Rural Survival. *Journal of Rural Studies*, 51(1), 73–82. Retrieved from <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0743016717300980>
- Mayes, R. (2010). Doing Cultural Work: Local Postcard Production and Place Identity in a Rural Shire. *Journal of Rural Studies*, 26, 1–11.
- Neumeier, S. (2012). Why do Social Innovations Matter and Should They be Considered More Seriously in Rural Development Research? — Proposal for a Stronger Focus on Social Innovations in Rural Development Research. *Sociologia Ruralis*, 32(1), 48–69.
- Nikulin, A., Trotsuk, I. (2018). Pitirim Sorokin's Contribution to Rural Sociology: Russian, European and American Milestones of a Scientific Career. *Journal of Peasant Studies*, 45(7), 1203–1220.
- Nikulin, A., Trotsuk, I., Wegren, S. (2018). Ideology and Philosophy of the Successful Regional Development in Contemporary Russia: The Belgorod Case. *Journal of Rural Studies*, 3(1), 99–116.
- Nilsson, B., Lundgren, A. S. (2015). Logics of Rurality: Political Rhetoric about the Swedish North. *Journal of Rural Studies*, 37(1), 85–95. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/270344722_Logics_of_rurality_Political_rhetoric_about_the_Swedish_North
- Nilsson, B., Lundgren, A. S. (2018). For a “Living Countryside: Political Rhetoric about Swedish Rural Areas. *European Urban and Regional Studies*, 25(1), 72–84.
- OECD. *The New Rural Paradigm: Policies and Governance*. (2006). OECD: Paris.
- Olson, M. (1965). *The Logic of Collective Action*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Lipset, S. M., Rokkan, S. (Eds.) (1967). *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. New York: Free Press.
- Shanin, T. (Ed.) (1971). *Peasants and Peasant Societies*. (1971). Penguin: Harmondsworth, England.
- Putnam, R. (2000). *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster.
- Quality of Life in Urban and Rural Areas*. (2014). Cornell University ILR School. Eurofound. Dublin. Retrieved from <https://digitalcommons.ilr.cornell.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.com/&httpsredir=1&article=1420&context=intl>
- Schusmith, M., Brown, D. L. (Eds.) (2016). *Routledge International Handbook of Rural Studies*. London and New York: Routledge.
- Rijnks, R. H., Strijker, D. (2013). Spatial Effects on the Image and Identity of a Rural Area. *Journal of Environmental Psychology*, 36, 103–111.
- Seale, E., Mallison Ch. (Eds.) (2018). *Rural Voices. Language, Identity and Social Change across Place*. Lexington Books: Lanham, MD.
- Shanin, T. (1990). *Defining Peasants: Essays Concerning Rural Societies, Expolary Economies, and Learning from Them in the Contemporary World*. Oxford, UK: Blackwell.
- Shucksmith, M. (2018). Re-Imagining the Rural: from Rural Idyll to Good Countryside. *Journal of Rural Studies*, 59, 163–172.

- Sorokin, P. A. & Zimmermann, C. C. (1929). *Principles of Rural-Urban Sociology*. New York: Henry Holt.
- Svendsen, G. (2004). The Right to Development: Construction of a Non-Agriculturalist Discourse of Rurality in Denmark. *Journal of Rural Studies*, 20(1), 79–94.
- Woods, M. (2003). Deconstructing Rural Protest: The Emergence of a New Social Movement. *Journal of Rural Studies*, 19, 309–325.
- Woods, M. (2008). Social Movements and Rural Politics. *Journal of Rural Studies*, 24, 129–137.
- Woods, M. (2011). *Rural*. New York: Routledge.

Статья поступила в редакцию 05.08.2019

Статья принята к публикации 26.08.2019

Для цитирования: Семененко И.С. Сельское местное сообщество в фокусе политики развития: научный дискурс и европейские политические реалии. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2019. Т. 20. № 3. С. 6–27.

THE RURAL LOCAL COMMUNITY IN DEVELOPMENT POLICIES IN EUROPE: DISCOURSE AND AGENCY

I. S. Semenenko

Irina S. Semenenko, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Profsovnaya St., 23, Moscow, 117997, Russia. E-mail: semenenko@imemo.ru.
ORCID 0000-0003-2529-9283

Acknowledgements. The research was carried out through the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, grant № 19–011–31356 (Development of Rural Local Communities: The Potential of Identity Policy under Heterogeneous Socio-Economic and Socio-Cultural Regional Space of the Region).

Abstract. The paper presents an overview of the main theoretical and methodological approaches to rural studies in contemporary social research. This is an interdisciplinary field which incorporates agricultural economics and history, social and economic geography, social and cultural anthropology and cultural studies, sociolinguistics, social psychology, sociology and politics, and analyses the trends of non-urban development and governance. The author discusses interpretations of “the rural” and “rurality” in academic discourse and outlines the relevant research agenda for studying the rural in Russia and in a broader European context with regard to resources that can be potential drivers for rural development and for consolidating rural communities. The study is based on the analysis of academic and public discourse concerning the priorities and strategies of rural development policies in the EU countries and reveals a direct impact of the rural studies research agenda and discourse on decision-making in local rural development policies. An important factor influencing public policy in this sphere is also, as the study shows, an adequate institutional framework for accommodating rural interests at various levels of decision-making. Different resources can be relevant for promoting motivated and innovative identities and contributing to rural development, including values-oriented identity politics that see the rural community both as a pillar of tradition and a source of innovation in environment sustainability, heritage promotion and local good governance. These issues are an integral part of the responsible development agenda — a conceptual framework for promoting innovative change at all levels of social life, one that can stimulate economic agents and individuals to pursue development issues and to hold responsibilities for the choices they make and for the policies they advocate. This is especially important for promoting agency in rural communities and for stimulating their interaction with other agents of social change — government and local authorities, business, NGOs, experts and academia. The latter can contribute to a relevant public discussion on rural development issues, to a closer cooperation between experts and rural communities and to further advancing their active involvement and the inclusion of rural interests into a broader development agenda. Such an input is all the more important for the Russian political research agenda where rural studies

have so far been a marginal research area. It can also further stimulate empirical research on “good practices” and their implementation in public policy.

Keywords: rural studies, peasant studies, rural local community, social cleavages, local identity, rural identity, urban way of life, space, territory, natural / cultural landscape, rural development discourses, resources of development, development policies, community involvement, responsible development

DOI: 10.31429/26190567-20-3-6-27

References

- Albertazzi, D., Giovannini, A. & Seddone, A. (2018). ‘No Regionalism Please, we are Leghisti!’ The Transformation of the Italian Lega Nord under the Leadership of Matteo Salvini. *Regional and Federal Studies*, 28(5), 645–671.
- Apple-producing Family Farms in South Tyrol: An Agricultural Innovation Case Study. (2014). In J. de Meyer (Ed.) *Occasional Papers on Innovation in Family Farming*. FAO. Retrieved from <http://www.fao.org/3/a-i3789e.pdf>
- Askins, K. (2009). Crossing Divides: Ethnicity and Rurality. *Journal of Rural Studies*, 25(4) 365–375.
- Averkiewa, K. V. (2018). Seminar-konferentsiia Souchastvuiushchee razvitie gorodov i selskikh territorii [Seminar-Conference “Participatory Development of Cities and Rural Areas]. *Krestianovedenie* [Russian Peasant Studies], 3, 196–204.
- Babashkin, V. V. (Ed.) (2015). *Sovremennoe krestianovedenie i agrarnaia istoriia Rossii v XX veke* [Modern Peasant Studies and Agrarian History of Russia in the XX Century]. M.: Izdatelstvo ROSSPEN.
- Beel, D. E., Wallace, C., Webster, G., Nguyen, H., Tait, E., Macleod, M., Mellish, Ch. (2017). Cultural Resilience: The Production of Rural Community Heritage, Digital Archives and the Role of Volunteers. *Journal of Rural Studies*, 54, 459–468. Retrieved from <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0743016715000479>
- Bell, M. (2007). The Two-Ness of Rural Life and the Ends of Rural Scholarship. *Journal of Rural Studies*, 23(4), 402–415.
- Berger, S., Dicks, B., Fontaine, M. (2019). “Community”: A Useful Concept in Heritage Studies? *International Journal of Heritage Studies*. Retrieved from https://www.academia.edu/39714038/Community_a_useful_concept_in_heritage_studies?email_work_card=view-paper
- Cloke, P., Marsden, T. & Mooney, P. (Eds.) (2006). *Handbook of Rural Studies*. London: Sage Pub.
- Cruikshank, J., Lysgård, H. K., Magnussen, M.-L. (2009). The Logic of the Construction of Rural Politics: Political Discourses on Rurality in Norway. *Geografiska Annaler. Series B. Human Geography*, 91(1), 73–89.
- Dymitrow, M. (2018). Rural / Urban: Laying Bare the Controversy. *Geographia Polonica*, 91(4), 375–397.
- Edensor, T. (2006). Performing Rurality. In Cloke P., Marsden T. and Mooney P. (Eds.) *Handbook of Rural Studies* (pp. 484–495). London: Sage.
- Fedotova, V. G. (2005). *Khoroshee obshchestvo* [Good Society]. M.: Progress-Traditsiia.
- Galbraith, J. K. (1996). *The Good Society: The Humane Agenda*. Boston, New York: Houghton Mifflin Company.
- Garland, J., Chakraborti, N. (2006). ‘Race’, Space and Place. Examining Identity and Cultures of Exclusion in Rural England. *Ethnicities*, 6(2), 159–177.
- Gromyko, M. M. (1991). *Mir russkoi derevni* [The World of Russian Village]. M.: Molodaia gvardiia.
- Guelke, A. (2012). *Politics in Deeply Divided Societies*. Cambridge, Malden MA: Polity Press.
- Halfacree, K. H. (1993). Locality and Social Representation: Space, Discourse and Alternative Definitions of the Rural. *Journal of Rural Studies*, 9(1), 23–37.
- Hawley, L.R., Koziol, N.A., Bovaird, J., McCormick, C.M, Welch, G.W., Arthur, A.M., Bash, K. (2016). Defining and Describing Rural: Implications for Rural Special Education Research and Policy. *Rural Special Education Quarterly*, 35(3), 3–11.

- Holloway, L. (2004). Showing and Telling Farming: Agricultural Shows and Re-Imagining British Agriculture. *Journal of Rural Studies*, 20(3), 319–330.
- Horton, J. (2008). Producing Postman Pat: The Popular Cultural Construction of Idyllic Rurality. *Journal of Rural Studies*, 24(4), 389–398.
- Kietäväinen, A. (2014). Narrated Agency and Identity of Settlement Farmers in the Changing Circumstances of Modern Society. *Sociologia Ruralis*, 54(1), 57–70.
- Kolosov, V. A. (2018). *Rossiiskoe pogranich'ye: vyzovy sosedstva* [Russian Border: Challenges of Neighborhood]. M.: IP Matushkina I. I.
- Kopoteva, I. V. (2016). Grazhdanskoe obshchestvo i grazhdanskaia aktivnost sel'skoi Rossii [Civil Society and Civic Engagement in Rural Russia]. *Krestianovedenie* [Russian Peasant Studies], 1, 142–166.
- Lee, J., Arnason, A., Nightingale, A., and Schucksmith, M. (2005). Networking: Social Capital and Identities in European Rural Development. *Sociologia Ruralis*, 45(4), 269–283.
- Lijphart, A. (1977). *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration*. New Haven and London: Yale University Press.
- Lipset, S. M., Rokkan, S. (Eds.) (1967). *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. New York: Free Press.
- Lowe, Ph., Philipson, J., Proctor, A., Gkartzios, M. (2019). Expertise in Rural Development: A Conceptual and Empirical Analysis. *World Development*, 116, 28–37. Retrieved from <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0305750X18304339>
- Lundgren, A. S., Johansson, A. (2017). Digital Rurality: Producing the Countryside in Online Struggles for Rural Survival. *Journal of Rural Studies*, 51(1), 73–82. Retrieved from <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0743016717300980>
- Mayes, R. (2010). Doing Cultural Work: Local Postcard Production and Place Identity in a Rural Shire. *Journal of Rural Studies*, 26, 1–11.
- Morozova, E. V. (2018). Sel'skaia identichnost': politicheskii rakurs [Rural Identity: A Political Dimension]. In O. V. Gaman-Golutvina, L. V. Smorgunov, L. N. Timofeeva (Eds.) *Politika razvitiia gosudarstva i mirovoi poriadok: Materialy VIII Vserossiiskogo kongressa politologov Moskva 6–8 dekabria 2018 g.* [Development Policy, State and World Order: VIII Russian Congress of Political Science Development Policy, State and World Order]. M.: Aspekt Press
- Neumeier, S. (2012). Why do Social Innovations Matter and Should They be Considered More Seriously in Rural Development Research? – Proposal for a Stronger Focus on Social Innovations in Rural Development Research. *Sociologia Ruralis*, 32(1), 48–69.
- Nikulin, A., Trotsuk, I. (2018). Pitirim Sorokin's Contribution to Rural Sociology: Russian, European and American Milestones of a Scientific Career. *Journal of Peasant Studies*, 45(7), 1203–1220.
- Nikulin, A., Trotsuk, I., Wegren, S. (2018). Ideology and Philosophy of the Successful Regional Development in Contemporary Russia: The Belgorod Case. *Journal of Rural Studies*, 3(1), 99–116.
- Nilsson, B., Lundgren, A. S. (2015). Logics of Rurality: Political Rhetoric about the Swedish North. *Journal of Rural Studies*, 37(1), 85–95. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/270344722_Logics_of_rurality_Political_rhetoric_about_the_Swedish_North
- Nilsson, B., Lundgren, A. S. (2018). For a “Living Countryside: Political Rhetoric about Swedish Rural Areas. *European Urban and Regional Studies*, 25(1), 72–84.
- OECD. *The New Rural Paradigm: Policies and Governance*. (2006). OECD: Paris.
- Olson, M. (1965). *The Logic of Collective Action*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Panov, P. V., Sulimova, K. A., Fadeeva, L. A. (Eds.) (2009). *Soobshchestva kak politicheskii fenomen* [Communities as a Political Phenomenon]. M.: ROSSPEN.
- Putnam, R. (2000). *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster.

- Quality of Life in Urban and Rural Areas*. (2014). Cornell University ILR School. Eurofound. Dublin. Retrieved from <https://digitalcommons.ilr.cornell.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.com/&httpsredir=1&article=1420&context=intl>
- Radaev, V. V. (2019). Gorodskie i selskie milllenaly: neodnorodnost' novogo pokoleniia [Urban and Rural Millennials: Heterogeneity of the Young Adult Generation]. *Voprosy ekonomiki* [Voprosy Ekonomiki], 7, 5–28.
- Rijnks, R. H., Strijker, D. (2013). Spatial Effects on the Image and Identity of a Rural Area. *Journal of Environmental Psychology*, 36, 103–111.
- Rokkan, S., Urvin, D. (2003). Politika territorial'noi identichnosti Issledovaniia po evropeiskomu regionalizmu [The Policy of Territorial Identity. Studies on European Regionalism]. *Logos* [The Logos Journal], 6(40), 117–132.
- Sadykov, R. M. (2016). Lichnoe podsobnoe khoziaistvo v obespechenii prodovolstvennoi bezopasnosti regiona [Private Subsidiary Farming in Ensuring Food Security in the Region]. *Regionalnaia ekonomika teorii i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 1, 134–143.
- Schusmith, M., Brown, D. L. (Eds.) (2016). *Routledge International Handbook of Rural Studies*. London and New York: Routledge.
- Seale, E., Mallison Ch. (Eds.) (2018). *Rural Voices. Language, Identity and Social Change across Place*. Lexington Books: Lanham, MD.
- Semenenko, I. S. (2019). Gorizonty otvetstvennogo razvitiia ot nauchnogo diskursa k politicheskomu upravleniiu [Horizons of Responsible Development: from Discourse to Governance]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* [Polis. Political Studies], 3, 7–26.
- Semenenko, I. S. (Ed.) (2017). *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye* [Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic ed.]. Moscow: Ves' mir.
- Shanin, T. (1990). *Defining Peasants: Essays Concerning Rural Societies, Expolary Economies, and Learning from Them in the Contemporary World*. Oxford, UK: Blackwell.
- Shanin, T. (1992). *Velikii neznakomets. Krestiane i fermery v sovremennom mire. Khrestomatiia* [The Great Stranger: Peasants and Farmers in the Modern World. The Anthology]. M.: Progress-Akademiia.
- Shanin, T. (Ed.) (1971). *Peasants and Peasant Societies*. Penguin: Harmondsworth, England.
- Shanin, T., Nikulin, A., Danilov, V. (Eds.) (2002). *Refleksivnoe krestianovedenie: Desiatiletie issledovaniia selskoi Rossii* [Reflexive Peasant Studies: a Decade of Research in Rural Russia]. M.: MVSHSEN; ROSSPEN.
- Shucksmith, M. (2018). Re-Imagining the Rural: from Rural Idyll to Good Countryside. *Journal of Rural Studies*, 59, 163–172.
- Siptits, S. O. (2015). *Agrarnaia politika sovremennoi Rossii nauchno-metodologicheskie aspekty i strategii realizatsii* [Agrarian Policy of Modern Russia: Scientific and Methodological Aspects and Implementation Strategy]. M.: VIAPi imeni A A Nikonova: Entsiklopediia rossiiskikh dereven'.
- Sorokin, P. A. & Zimmermann, C. C. (1929). *Principles of Rural-Urban Sociology*. New York: Henry Holt.
- Souchastvuiushchee razvitie gorodskikh i selskikh territorii [Combined Efforts in Urban and Rural Development] (2018). *Materialy seminarov v Institute geografii RAN* [Materials of the Seminar at the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences]. Retrieved from <http://igras.ru/news/1827>
- Svendsen, G. (2004). The Right to Development: Construction of a Non-Agriculturalist Discourse of Rurality in Denmark. *Journal of Rural Studies*, 20(1), 79–94.
- Toshchenko, Zh. T. (2017). Chto predstavliaet soboi sovremennoe rossiiskoe selo [What is a Modern Russian Village?]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Studies], 12, 89–98.
- Toshchenko, Zh. T. (2018). Osobennosti zhiznennogo mira selskikh zhitelei Rossii [Features of the Life World of Rural Residents in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Studies], 2, 71–81.
- Treivish, A. (2016). Sel'sko-gorodskoi kontinuum sudba predstavleniia i ego sviazi s prostranstvennoi mobilnostiu naseleniia [The Rural-Urban Continuum: The Destiny of the Notion and Its

- Link to the Spatial Mobility of Population]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review], 3(1), 52–70.
- Trotsuk, I. V. (2018). Biologicheskoe sotsialnoe i moralnoe v obieiasnenii logiki istorii ili Stoit li iskat krestianina v sovremennom mire [Biological, Social and Moral in the Logic of History, or Whether or not there is Peasantry in the Contemporary World]. *Krestianovedenie* [Russian Peasant Studies], 3(2), 155–178.
- Vinogradsky V. G. (2019). Sel'skie miry: opyt sotsiologicheskoi rekonstruktsii [Rural Universes: a Sociological Reconstruction]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Studies], 5, 3–13.
- Vinogradsky, V. G. (2017). *Golosa snizu diskursy selskoi povsednevnosti* ["Voices from Below": Discourses of Rural Everyday Life]. M.: Izdatelskii dom "Delo" RANKHiGS.
- Woods, M. (2011). *Rural*. New York: Routledge.
- Woods, M. (2003). Deconstructing Rural Protest: The Emergence of a New Social Movement. *Journal of Rural Studies*, 19, 309–325.
- Woods, M. (2008). Social Movements and Rural Politics. *Journal of Rural Studies*, 24, 129–137.

Received 05.08.2019

Accepted 26.08.2019

For citation: Semenenko I.S. The Rural Local Community in Development Policies in Europe: Discourse and Agency.— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2019. Vol. 20. No. 3. Pp. 6-27.

© 2019 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).